

Малика Султановна Арсанукаева
(Российская Правовая Академия Минюста РФ, Moskwa)

Кадровая политика Российской империи на северном Кавказе (XIX — начало XX века)

Формирование системы российских органов управления в тех районах Северного Кавказа, которые вошли в состав империи в конце XVIII — начале XIX вв., все еще остается мало изученной страницей истории государства и права России. Объясняется это тем, что исследователям приходилось проявлять большую осторожность в выборе темы русско-кавказских и русско-горских отношений, ее трактовке и в своих выводах. По разным причинам оказались малодоступными фонды российских архивов.

К сожалению, растущий интерес общественности, отмеченный в последние десятилетия, к проблемам истории Северного Кавказа, далеко не всегда удовлетворяется посредством объективного исследования и научного анализа. Приходится сталкиваться с явно околону научными, дилетантскими, а зачастую, и популистскими публикациями в научных изданиях, СМИ и Интернете. В то же время подготовка качественно новых научных работ с привлечением широкого круга исторических документов и материалов могут позволить развить настоящую тему, понять сущность, задачи и основные направления создаваемой для горцев системы управления. И, что особенно важно — изучить последствия ее введения.

В настоящем исследовании предпринята попытка осветить некоторые, наиболее важные с точки зрения автора, аспекты темы, учитывая как общие черты, характерные для всего региона Кавказа, так и местные особенности. Последние раскрыты, главным образом, на примере Чечни и Ингушетии.

Следует отметить, что политика Российской империи в кавказском регионе в разные периоды истории имела свои конкретные задачи. На первом этапе — до последней трети XVIII в. — заключались мирные соглашения с различными горскими народами, которые, хотя и часто нарушались обеими сторонами, но все же оказались продуктивными. На рубеже XVIII — XIX в. борьба России за регион с Турцией и Персией активизируется. На данном этапе военные методы в сочетании с мирными (протекционистскими) обеспечивают России лояльность со стороны «покорных горцев». Соппротивление противников, объединившихся вокруг имамов и других

духовных лиц, подавляется ценою больших жертв с обеих сторон. Окончательно процесс присоединения народов Северного Кавказа к Российской империи завершается лишь в середине 60-х гг. XIX в.

В дальнейшем задача российского правительства, его кавказской администрации, местных органов военно-народного и военно-гражданского управлений состояла в удержании и адаптации горцев в составе империи. Ее целью становится «установление органического единения горских народностей с Россией»¹. Этому во многом способствовали проведенные административные, судебные, аграрные, образовательные и другие реформы.

Решение этих задач потребовало усилий многих чиновников (военных и гражданских). Правильный подбор чиновников, нормативное закрепление их служебных прав и обязанностей, создание условий для их выполнения — стали важным условием успешности российской политики в регионе. Данное обстоятельство принималось во внимание с самого начала присутствия России в горских районах Кавказа. Уже с конца XVIII века на их содержание тратятся значительные денежные средства. Так, по штатам, учрежденным в 1786 г., чиновникам и канцелярским служащим «по части пограничной, дела при командующем Кавказскою линиею исправляющим, а также переводчикам и толмачам разных диалектов, как-то Персидского, Турецкаго, Арабскаго, Татарскаго, Калмыцкаго и других горских употребляемых в здешнем края языков; приставам при тех народах находящимся, на канцелярские расходы по течению дел пограничных и все издержки и народы» было выделено 5. 100 рублей². Эти расходы были подтверждены именными Указами Павла I от 20 февраля 1798 г. и от 22 октября 1800 г.

В первые десятилетия XIX века низшее звено в системе управления народами Кавказа занимали приставы преимущественно из русских военных и гражданских чиновников. Так, в 1800 г. Коллегия иностранных дел для управления «замиренными» и «покорными» горцами Северного Кавказа официально учредила институт приставов во главе с главным приставом. В специальном письме министерства давались общие указания по обращению с местными народами³. И только небольшую часть приставов составляли представители от местных народов, как правило, принявшие новый образ жизни, владеющие русским языком и «испытанные в верности» к российскому правительству⁴.

Известно, что кандидатуры приставов на первых порах согласовывались с горскими народами, недавно вошедшими в состав Российской империи. Так произошло, например, с чеченцами, являвшимися самым крупным этносом на Северном Кавказе. В течение всего 1807 г. фельдмаршал граф И. В. Гудович,

¹ Российский военно-исторический архив [dalej: РГВИА], zesp. 100, inw. 1, sygn. 723, k. 31.

² Акты, собранные кавказскою археографическою комиссиею [dalej: — АКАК]: в 12 т., т. 1, art. 1101, Tbilisi 1866, s. 743.

³ АКАК, т. 1, art. 1072, s. 727—731.

⁴ РГВИА, zesp. 846, inw. 16, sygn. 6288, k. 319.

повторно назначенный на должность главнокомандующего в Грузии⁵, после ряда военных экспедиций начинает переговорный процесс с равнинными чеченцами и заключает мирные соглашения⁶.

В соответствии с ними здесь впервые вводится российская система приставского управления. Приставами к чеченцам с их согласия назначаются наиболее уважаемые местные владельцы. В июле 1807 г. равнинные селения Чечни передаются под общий контроль главного калмыцкого пристава полковника А. И. Ахвердова⁷.

23 августа 1810 г. генерал-майор И. П. Дельпоццо, комендант крепости Владикавказ (назначен на должность 10 февраля 1810 г.), заключает договор из 24 пунктов с представителями 6 наиболее известных ингушских фамилий, предусматривавший усиление над ними контроля русских приставов и местного военного командования⁸.

С самого начала системы управления носила военный характер с частичным привлечением представителей от местных народов. В 1792 году по Указу Екатерины II «от Кизляра вверх по Тереку, до Екатеринограда» создается Кавказская линия⁹. Впоследствии она значительно расширилась и была разделена на Центр, Левый и Правый фланги. На необходимость учреждения Левого фланга или Сунженской линии, в частности, указывается командующим войсками на Кавказской линии генералом от инфантерии С. А. Булгаковым в рапорте главнокомандующему в Грузии и на Кавказской линии генералу от кавалерии А. П. Тормасову (от 6 ноября 1810 года). Для этого требовалось создание на реке Сунже постов, начиная от впадения ее в реку Терек, и до крепости Владикавказ. Одна из задач новой линии состояла в защите соседних народов от «дерзости» чеченцев¹⁰.

В течение XVIII в. на Северном Кавказе были построены крепости (Святого креста, Кизляр, Моздок, Владикавказ и др.), укрепления, посты и редуты. В начале XIX в. их число значительно возросло. Командующие отдельными частями линии, начальники крепостей, укреплений и постов — офицеры различных рангов — заведовали войсками, дислоцированными в регионе, местным населением (казацким и горским) и принимали меры против непокорных горцев.

⁵ Нр. I.W. Gudowicz już wcześniej, w końcu XVIII w., zajmował to stanowisko, patrz: *Словарь кавказских деятелей*, Тбилиси 1890, s. 31.

⁶ *Документальная история образования многонационального государства Российского: в 4 кн.*, кс. 1: *Россия и Северный Кавказ в XVI—XIX веках*, ред. Г. К. Бондаревский, Г. Н. Колбая, Москва 1998, s. 258—259.

⁷ Ш.А. Гапуров, *Северный Кавказ в политике России в начале XIX в. (1801 – 1815 годы)*, Nalczyk 2004, s. 377; А.И. Achwerdow - w I. 1802—1803 komendant twierdzy Kizlar, patrz: П.Г.Бутков, *Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г.: в 3 ч.*, Sankt Petersburg 1869, cz. 1, s. 530.

⁸ Архив внешней политики Российской империи МИД РФ [dalej: АВПРИ], Sankt Petersburg Главный архив, zesр. 161. 1—13, inw. 10, 1806 г., sygn. 9, k. 16—21.

⁹ *Кавказский календарь на 1848 г.*, Тбилиси 1847, s. 10.

¹⁰ АКАК, t. 4, art. 1258, Тбилиси 1870, s. 830.

Решение задачи покорения горцев и обустройства новых территорий значительно продвинулось лишь в период правления на Кавказе генерал-адъютанта А. П. Ермолова (1816–1826 гг.)¹¹. В его всеподданнейшем рапорте от 12 февраля 1819 г. отмечалась особая опасность для империи «внутреннего беспокойства». Горские народы, по мнению генерала, «примером своей независимости» порождали «дух мятежный и любовь к независимости» и могли тем самым оказать влияние на своих соседей¹². Из всех горцев Северного Кавказа особое опасение у него вызывали чеченцы («народ дерзкий и опасный»)¹³.

В первый же год управления Кавказом (1816 г.)¹⁴ генерал А. П. Ермолов назначает русских приставов в чеченские селения, расположенные на правом берегу реки Терек, не согласовывая их кандидатуры с местным населением¹⁵. О личных качествах некоторых из них можно судить по чеченскому приставу А. Л. Чернову, кандидатура которого получила поддержку лично генерала А. П. Ермолова. Артамон Лазаревич родился в станице Калиновской Моздокского полка, прославился умением вызволять русских из чеченского плена, имел буйное прошлое и «из одного удальства пускался в набеги, как с русскими на мирных чеченцев, так и с немирными чеченцами на русских». Как отмечает военный историк В. А. Потто, он хорошо знал чеченцев, владел «их языком едва ли не лучше, чем собственным, и имел «за Тереком множество и кунаков, и кровомстителей» (кровников). Став приставом, он жестоко обходился со своими вчерашними друзьями, «затеречными приятелями»¹⁶. «Все знавшие Чернова говорят, — пишет В. А. Потто, — что он был непомерно строг: за одну попытку к хищничеству он накладывал на чеченцев громадные штрафы, в конец разорявшие семьи, а сопротивлявшихся велел закапывать в землю по пояс». Никакие жалобы чеченцев на пристава не принимались во внимание¹⁷.

При генерале А. П. Ермолове были заложены многие крепости (крепости Грозная и Внезапная), укрепления (Святого Георгия, Баталпашинское, Ярсаконское, Ахандукское, Нальчикское, Мечетское, Назрановское, Горячиводское и многие др.), редуты и посты¹⁸. По состоянию на 1834 год в Кавказской области находилось 11 крепостей и 16 укреплений¹⁹.

¹¹ Государственный архив Российской Федерации [dalej: ГАРФ], zesp. 730, inw. 1, dział АФ, sygn. 1662, k. 2; *Словарь кавказских деятелей*, s. 37.

¹² АКАК, t. 6, cz. 1, art. 661, Tbilisi 1874, s. 487.

¹³ АКАК, t. 6, cz. 2, art. 873, Tbilisi 1875, s. 498.

¹⁴ *Кавказский календарь на 1848 г.*, s. 16.

¹⁵ Блиева З. М. Административные и судебные учреждения на Северном Кавказе в конце XVIII — первой трети XIX в.: автореф. дис... канд. ист. наук. — Ленинград, 1984, s. 13.

¹⁶ В. А. Потто, *Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях*, t. 2, wyd. 2-ие, Sankt Petersburg 1887, s. 134.

¹⁷ Там же, s. 134.

¹⁸ РГВИА, zesp. 13454, inw. 5, sygn. 32, k. 1–20.

¹⁹ РГВИА, zesp. 13454, inw. 3, sygn. 44, k. 2–2v.

Здесь располагалось командование, отсюда уходили войска для проведения экзекуции в горских селениях, содержались пленные горцы, аманаты, подозреваемые в совершении уголовных преступлений, обвиненные в них приговором военных судов и ожидающие отправления в места лишения свободы. Одним словом, все они стали административными и военными центрами империи в регионе.

Сложность выполняемых задач, затянувшийся военный конфликт и необходимость скорейшего его разрешения требовали от местных чиновников (военных, гражданских) большого профессионализма, знания местных народов, умения находить с ними общий язык. И это обстоятельство хорошо понимал генерал А. П. Ермолов. Известно, какое значение он придавал подбору чиновников для службы на Кавказе. «Все усилия Ермолова, — читаем в одном из источников, — были направлены на улучшение состава чиновников, но это оказывалось невозможным. Кавказ, лишавший сколь-нибудь сносных условий жизни, считался в то время «гибельным» и сюда шли только худшие чиновники, которые не могли удержаться на своих местах в России». И только лишь на некоторых высших должностях, а также в свите главнокомандующего можно было найти «десяток два вполне добросовестных и способных людей». Большую часть управленцев представляли «люди слабохарактерные и порочные». И здесь, «среди чужого народа, не чувствуя над собою контроля общественного мнения, уже окончательно падали». Они «не стеснялись ничем, к тому же причины же иного рода вынуждали отбросить формы и обряды делопроизводства, правда, крайне стеснительные для народа, но все же затруднявшие до некоторой степени злоупотребление властью». Для борьбы со всеми этими злоупотреблениями вводится «фактический надзор прокуратуры»²⁰. В 1809 г. к верховному грузинскому правительству приставлен прокурор. Однако «все прокуроры оказывались один хуже другого...»²¹.

Военное командование пыталось обеспечить условия для более успешного выполнения приставами главной задачи — удержания горцев в покорности, делая при этом все, чтобы избежать конфликтных ситуаций и разрешить проблему малыми потерями. Должностным лицам различных уровней давались соответствующие рекомендации. В частности, начальником левого фланга Кавказской линии генерал-майором Н. В. Грековым от 26 марта 1825 г. была дана инструкция для руководства чеченскому приставу есаулу Золотареву. Пристав обязывался строго исполнять распоряжения вышестоящего военного начальства, доносить ему о замыслах неблагонадежных горцев и охранять общественное спокойствие в подконтрольных селениях (аулах). В этих целях следовало организовать

²⁰ *Гражданское управление Закавказьем от присоединения Грузии до наместничества Великого Князя Михаила Николаевича. Исторический очерк*, с. 99.

²¹ Там же.

караулы и контролировать несение службы самими жителями. С помощью местных старшин необходимо было производить раскладку повинностей и обеспечивать их выполнение. Все это требовало организации переписи аулов, домов и населения. Приставы следили за тем, чтобы старшины и тургаки (десятники) избирались «из людей усердных и праведных», которым можно было доверять²².

Когда в 20-х гг. XIX в. на Северном Кавказе стали создаваться суды для горцев, председателями в которых назначались, как правило, местные приставы. Вместе со старшинами и духовными лицам они должны были справедливо разрешать споры или претензии местных жителей.

Всякие между народом распри, под вашим руководством, — указывается в инструкции, данной Золотареву, — предварительно разбираются ими, и когда по важности дела, сие выборные не могут дать заключения, то представляют о сем шариату, и потом мнение одного представляют на утверждение местному начальству²³.

В начале 1828 г. планировалось создание в крепости Владикавказ инородного суда для разбирательства дел тагаурцев, курататинцев, алагирцев и назрановских ингушей. Однако ингуши, ссылаясь на различия в обычаях, ходатайствовали об открытии собственного суда в укреплении Назрань под председательством пристава Щелкачева, пользовавшегося у них особым расположением²⁴. В рапорте местного начальства в военное министерство от 14 июля 1844 г. указывалось: «Ныне при назрановском приставе постоянно находятся 6-ть старшин выбранных народом; они разбирают все маловажные споры между жителями и старые претензии и относятся в комендантское управление только в таком случае ежели просители остаются недовольны решением старшин»²⁵. Наиболее значительные изменения в судебной системе для горцев произошли в конце 60—70-х гг. XIX в. В этот период в Кубанской и Терской областях учреждены областные, горские (словесные) окружные, сельские (аульные) и третейские суды.

Приставам предоставлялось право привлекать горцев к ответственности за маловажные проступки, применяя не только нормы адата, но и в качестве «домашнего» исправления производить арест. Сведения о горцах, совершивших тяжкие преступления, приставы обязывались передавать вышестоящему начальству²⁶. В тот период ими были коменданты крепостей и укреплений. Уголовные дела рассматривались военными судами, и приговоры по ним выносились по российским законам.

²² РГВИА, zesp. 13454, inw. 2, sygn. 73, k. 4—4v.

²³ РГВИА, zesp. 13454, inw. 2, sygn. 73, k. 3.

²⁴ РГВИА, zesp. 13454, inw. 2, sygn. 74, k. 2, 11v.

²⁵ РГВИА, zesp. 13454, inw. 2, sygn. 396, k. 4—4v.

²⁶ РГВИА, zesp. 13454, inw. 2, sygn. 73, k. 5.

От приставов требовалось лично знать всех проживающих в селениях (аулах) священнослужителей, следить за проповеднической деятельностью, которая могла бы оказывать сильное влияние на народ. Опорой им должна была стать верхушка местных горских обществ. Поэтому предлагалось «оказывать должное уважение владельцам, но в случае каких упущений их, или неисполнения его приказаний» ставить в известность вышестоящее начальство²⁷.

В целях обеспечения отбывания конной (аробной) повинности приставы собирали сведения о численности домов в каждом селении (ауле) и тех горцев, которые имели лошадей и с арбами. Они следили за тем, «чтобы все зажиточные чеченцы имели непременно лошадей». Такая задача объяснялась тем, что многие из них, не желая нести установленные для них повинности, продавали лошадей и старались больше их не покупать²⁸.

Многие управленцы являлись сторонниками жестких мер в отношениях с горцами. И к ним, совершенно справедливо, относят генерала А. П. Ермолова. Однако и он понимал всю неоднозначность ситуации и необходимость учета менталитета каждого из народов. Так, после подавления восстания в Чечне под руководством Б. Теймиева (1824–1826 гг.) в письме от 1 июля 1826 г. А. П. Ермолов предписывает начальнику левого фланга Кавказской линии генерал-майору Н. И. Лаптеву добиваться большей гибкости в отношениях с чеченцами. «Не каждую вину изобличать нужно и даже до удобного случая иногда и на самые преступления надобно закрыть глаза, — пишет он. — Наблюдайте, чтобы никто из подчиненных не позволял себе грубого обхождения с ними; чтобы никто не порочил веры мусульман, паче-же надсмехался над ней». В то же время разрешалось преследовать лиц, обманувших местное начальство, а изменивших — наказывать строго²⁹. В таком подходе проявлялось типичное для кавказских военных администраторов сочетание лояльности и строгости, нередко переходящей в жестокость в отношениях с горцами. По некоторым сведениям, военные опускались до того, что снимали скальпы с убитых горцев или втыкали их отсеченные головы на шесты. Об этом стало известно императору Николаю I. Командующему войсками на Кавказской линии и в Черномории генерал-адъютанту П. Х. Граббе поручалось «принять самые решительные меры к прекращению, на будущее время, таковых бесчеловечных поступков ...»³⁰. Сожжение селений (аулов), посевов и скота, ставшие обыденным делом, рассматривались как необходимая и ответная мера против горцев.

Генерал П. Х. Граббе, командир Чеченского отряда русской армии, в 1839 г. разрабатывает проект «Положения об управлении мирными

²⁷ РГВИА, zesp. 13454, inw. 2, sygn. 73, k. 4v.

²⁸ Там же.

²⁹ АКАК, t. 6, cz. 2, art. 895, Tbilisi 1875, s. 510.

³⁰ РГВИА, zesp. 13454, inw. 8, sygn. 31, k. 2.

племенами». В нем предлагалось: 1) объединить народы Дагестана и Чечни в три главных приставства: кумыкское; чеченское и лезгинское; 2) все приставства подчинить начальнику Левого фланга Кавказской линии; 3) главные приставства разделить на «частные»: кумыкское и лезгинское — по четыре, чеченское — на три³¹. В лезгинское приставство включались также ауховские аулы с чеченским населением. Чеченский пристав заведовал, кроме того, надтеречными и брагунскими аулами³². Е. А. Головин, вступив в должность главноуправляющего гражданской частью Кавказской области (1838—1842 г.), упразднил главное чеченское приставство, сохранив частные приставства³³.

Накануне восстания 1839 г. в Чечне часть равнинных чеченцев ушла к «непокорным» сородичам в горы. Остальные вместе с качкальковцами и мичиковцами перешли в управление кумыкского пристава. Ичкеринцы («покорные») и ауховцы находились под контролем лезгинского пристава. Терские, сунженские и брагунские чеченцы подчинялись главному чеченскому приставу. На эту должность назначались наиболее доверенные офицеры, в том числе из чеченцев, как правило, из милиционеров, состоявших на русской службе³⁴. В 1840 г. большинство чеченцев, кроме брагунских и двух селений притеречных районов (Старого и Нового Юрта), перешли на сторону имама Шамиля³⁵.

Приставы использовались всякий раз, когда требовалось удержание горцев в покорности с применением оружия. Известно, что с конца XVIII в. среди горцев проводили миссионерскую работу христианские (православные и католические) священники. В 1745 г. создается Осетинская духовная комиссия в Кизляре из грузинских духовных лиц, предпринявшая в первую очередь крещение осетин, а с их помощью и остальных горцев³⁶. В 1831 г. с согласия экзарха Грузии протоиереем Шио Двалишвили предпринимается первая попытка обращения в христианство ингушей. Однако она закончилась неудачно³⁷. В дальнейшем, крещение ингушей-мусульман, переселившихся на равнину вблизи крепости Владикавказ, осуществлялась при поддержке казачьих частей под командованием пристава П. Гайтова, т. е. насильственным образом. В своем обращении к Николаю I назрановские ингуши (1843 г.) писали, что тех из них, кто «противился этой насильственной воли крещения, ... наказывали казачьими плетями или розгами жестоко, или привязывали к столбу, обливая водой как преступников, и вместе с этим издевались, надевали

³¹ А. Юров, *Три года на Кавказе (1837—1839)*, [w] *Кавказский сборник*, t. 9, Tbilisi 1885, s. 26—27.

³² Там же.

³³ М. Блиев, *Россия и горцы Большого Кавказа. На пути к цивилизации*, Moskwa 2004, s. 157.

³⁴ Мухаммад Тахир ал-Карахи, *Три имама*, Machaczkała 1990, s. 49.

³⁵ РГВИА, zesp. 482, inw. 1, sygn. 136, k. 21.

³⁶ РГВИА, zesp. 405, inw. 6, sygn. 6463, k. 79—79v.

³⁷ Там же, k. 100.

силою крест...». Ингуши оказались разделенными не только на приходы³⁸, но и на мусульман и христиан, в результате чего, как указывалось в обращении, между ними «не стало никакого миролюбия и не в одном согласия, усилилась вражда, ненависть...»³⁹.

Приставские управления содержались преимущественно за счет горцев. Однако и казна несла значительные расходы. Так, с 1 января 1844 г. по предписанию командира Отдельного Кавказского корпуса генерал-адъютанта А. И. Нейдгардта (1843–1844 гг.)⁴⁰ их содержание во Владикавказском округе стало производиться из сумм, выделенных на военные расходы⁴¹.

В середине XIX в. так называемые «покорные» горские племена по-прежнему контролировались приставами, подчиненными начальникам отделов Кавказской линии⁴². Однако число горцев, прежде всего чеченцев, «отложившихся» от имама Шамиля и перешедших к русским, значительно возросло. В начале 50-х гг. XIX в. появляются первые учреждения системы военно-народного управления, предусматривавшей, хотя и несколько формальное, участие представителей от местного населения в управлении и судопроизводстве по делам горцев. В частности, 20 апреля 1852 г. в крепости Грозной наместником Кавказа князем М. С. Воронцовым вводится военно-административное управление, получившее название «Мехкеме» или «Чеченское управление»⁴³. Оно мало чем отличалось от судов, введенных генералом А. П. Ермоловым в Нальчике и крепости Внезапной. Разница заключалась лишь в том, что председателем «Мехкеме» состоял не комендант крепости Грозной, а особое лицо из русских офицеров; члены суда назначались из туземцев и кадия, получавших за службу определенное содержание⁴⁴. Новая система управления и суда удовлетворяла чеченцев и пользовалась у них успехом. Ведь она учитывала народные их традиции, обычаи и верование. Тем самым наместник на Кавказе рассчитывал «успокоить» вчерашних своих военных противников⁴⁵. Правила рассмотрения и разрешения дел в суде составлялись с учетом пожеланий «старших» князей и старшин покорных аулов⁴⁶.

Необходимость введения эффективных органов управления для решения новых задач, которые предстояло решать после завершения военных действий, становится очевидной. В различных политических кругах России

³⁸ Там же, к. 27v.

³⁹ Там же, к. 28.

⁴⁰ *Словарь кавказских деятелей*, с. 56.

⁴¹ ГАРФ, зесп. 677, инв. 1, sygn. 511, к. 9–9v.

⁴² Там же.

⁴³ С. Эсадзе, *Историческая записка об управлении Кавказом: в 2 т.*, Tbilisi 1907, т. 1, с. 166; ГАРФ, зесп. 677, инв. 1, sygn. 511, к. 9v.–10.

⁴⁴ РГВИА, зесп. 400, инв. 1, sygn. 723, к. 25.

⁴⁵ ГАРФ, зесп. 677, инв. 1, sygn. 511, к. 9v.–10.

⁴⁶ Э.Д. Мужухоева, *Административная политика царизма в Чечено-Ингушетии во второй половине XIX – нач. XX в.*, диссертация, Москва 1989, с. 60–61.

давно зрело осознание явной ущербности исключительно военной системы управления горцами⁴⁷. Еще главноначальствующий на Кавказе граф И. Ф. Паскевич писал, что военное управление, несомненно, имеет более средств овладеть необузданным характером горцев. Но оно ограничено, так как «питает в полудиких народах дух воинственный, замедляет образование и ход просвещения». Только гражданское управление, по его мнению, могло смягчить нравы горских народов и быстрее приучить «к познанию взаимных отношений, общественных обязанностей и законов...»⁴⁸.

В 1856 г. наместник на Кавказе генерал-адъютант князь А. И. Барятинский ставит вопрос о реформировании системы управления горцами⁴⁹. После окончания Кавказской войны в регионе предстояло решать иные, «мирные», задачи. В частности, в новых условиях требовалось окончательное включение горцев в российскую государственно-правовую и судебную системы, поощрение предпринимательства и торговли, развитие просвещения и культуры⁵⁰. Принималось во внимание и то, что у отдельных приставов не сложились отношения с горцами. Например, у чеченцев, по мнению В. А. Потто, должность пристава вызывала глубокую неприязнь, так как вносила «нарушение их традиционных судебных обычаев, освященных веками»⁵¹. Отмечались случаи расправы над приставами. Так, в 1832 году жителями ингушского селения Хули убит пристав хорунжий А. Г. Константинов. И, наконец, содержание приставов требовало больших средств, которыми правительство не всегда располагало. В 1857 г. приставская система управления в горских районах Северного Кавказа упраздняется⁵². Кроме того, официальные круги объясняли планируемую отмену приставских управлений ограниченностью средств на содержание приставов⁵³.

В 1857 г. приставства упраздняются⁵⁴. Области, где проходили военные действия, составили пять отделов. Вместо приставских управлений создаются военно-народные округа. Мирные горцы объединяются в 4 округа, включая Чеченский, разделяемые на приставства, участки и наибства. Округа возглавляются русскими офицерами по чину не ниже полковника или генерал-майора⁵⁵. Начальник области становится командующим и именуется

⁴⁷ Tamže, s. 56.

⁴⁸ ГАРФ, зесп. 677, инв. 1, sygn. 511, k. 9.

⁴⁹ АКАК, t. 12, art. 561, Tbilisi 1904, s. 644.

⁵⁰ Э.Д. Мужухоева, *Административная политика царизма*, s. 56.

⁵¹ В.А. Потто, *Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях*, t. 1, wyd. 2-іе, s. 133.

⁵² В. Н. Мальцев, *Влияние Кавказской войны на административно-судебные реформы на Северном Кавказе второй половины XIX в.*, [w] *Кавказская война: уроки истории и современность: материалы научн. конф. (г. Краснодар, 16 – 18 мая 1994 г.)*, red. В. Н. Ратушняк і in., Krasnodar 1995, s. 270.

⁵³ АКАК, t. 12, art. 561, s. 644.

⁵⁴ В. Н. Мальцев, *Влияние Кавказской войны на административно-судебные реформы*, s. 270.

⁵⁵ ГАРФ, зесп. 677, инв. 1, sygn. 511, k. 10; АКАК, t. 12, art. 555, s. 631.

наказным атаманом казачьих войск. Ему вверяется управление казаками, колонистами и горцами, проживавшими на подконтрольных территориях⁵⁶.

В этой связи остро встала задача выбора формы управления горцами. Основная часть горцев, например чеченцы и ингуши, нагорные общества Дагестана, состояла из лично свободных узденей, имеющих свои общественные институты управления и общественно-политической организации. Поэтому внедрение чисто российской системы управления, основанной в тот период на феодально-крепостнических отношениях, здесь не представлялось возможным⁵⁷. Более того, в условиях, когда военные события 20 – 50-х гг. XIX в. на Северо-Восточном Кавказе все еще были свежи в памяти горцев, прежняя жесткость могла привести к ненужным волнениям и неповиновению властям. В этой ситуации кавказская и местная администрации вынуждены были сохранить традиционные институты управления и судопроизводства горцев с некоторыми изменениями. Поставленные под контроль местных чиновников они продолжали действовать на всем протяжении второй половины XIX – начале XX вв. Однако процесс их вытеснения российскими институтами управления и судом постепенно приобретает необратимый характер, что вполне соответствовало положению горцев как подданных Российской империи.

В различных политических кругах России давно осознавалась явная ущербность исключительно военной системы управления горцами⁵⁸.

С назначением на должность наместника на Кавказе генерал-адъютанта князя А. И. Барятинского, как отмечается в источнике, «потребности военные получили преобладающее значение, ввиду решимости правительства направить все средства и усилия к умиротворению Кавказа». Военная фаза, преобладавшая в течение почти полувека, завершилась. Области, в которых проходили военные действия, были разделены на пять военных отделов; учреждены округа, подразделяемые на приставства, участки и наибства⁵⁹. Начальникам этих отделов предоставлялись широкие полномочия и «самостоятельный круг действий». Официально система военно-народного управления вводилась с 1 апреля 1858 г. В составе Главного штаба армии создается специальное отделение по управлению горскими народами⁶⁰. Новая система управления оценивалась как «результат политических и экономических условий, в которых находился Кавказский край в течение продолжительной борьбы с горскими племенами»⁶¹.

В качестве образца для местного управления горскими племенами принимается с некоторыми изменениями, учитывающими местные

⁵⁶ РГВИА, зesp. 400, inw. 1, sygn. 723, k. 28.

⁵⁷ С.С. Эсадзе, *Историческая записка об управлении Кавказом*, т. 1, s. 167.

⁵⁸ Э.Д. Мужухоева, *Административная политика...*, s. 56.

⁵⁹ Там же, k. 10; РГВИА, зesp. 400, inw. 1, sygn. 723, k. 25.

⁶⁰ С.С. Эсадзе, *Историческая записка об управлении Кавказом*, т. 1, s. 168.

⁶¹ Там же, s. 166.

особенности, порядок управления, введенный в 1852 г. для чеченцев. По признанию Кавказской администрации «оправдал деятельность этого порядка и доказал, что он пользуется доверием населения»⁶².

Кавказской и местной администрациям приходилось решать вопрос о кадрах для органов военно-народного управления, в т. ч. из представителей от горцев. Тем более что к середине XIX века сформировалась прослойка кадровых офицеров из кавказских народов, получивших военное образование, состоявшая на службе в российской армии и органах управления. Известную роль в этом сыграл, в частности, наместник на Кавказе князь М. С. Воронцов, который, как свидетельствует А. Л. Зиссерман, стараясь заручиться поддержкой местной аристократии, оказывал ей всяческое покровительство, представители из «туземцев» назначались на самые престижные должности в армии и органах управления, получая высокие чины и оклады⁶³. На данное обстоятельство указывается также в «Материалах по Кавказу»: «...общей системой князя Воронцова было проводить во все управления, по возможности, туземных чиновников; русский же элемент при нем совершенно ослабел»⁶⁴.

О действиях князя М.С. Воронцова стало известно императору и 10 марта 1852 г. из военного министерства в его адрес последовало указание:

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР... изволил заметить, что число туземцев, коими замещаются высшие в Кавказском крае, должности постоянно увеличивается.

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО, отдавая полную справедливость верноподданному усердию их в службе, изволит, однако, полагать, что в крае отдаленном и на военном положении состоящем, начальствующие лица должны быть преимущественно избираемы из среды Русских уроженцев, которые, не связываясь местными соотношениями, представляют вообще более ручательств к точному исполнению видов Правительства⁶⁵.

К числу сторонников более широкого привлечения горцев на службу относился Н. И. Евдокимов, первый начальник Терской области. В своем письме князю А. И. Барятинскому от 9 июля 1857 г., излагая свое мнение по поводу управления кумыками, он предлагает «вверять» управление самим «туземцам». На что наместник заметил: «Передать ли управление совершенно в руки туземцев — вопрос, ибо этим мы можем удалиться от введения в будущем русских порядков, долженствующих служить к слиянию этого народа с Россией». Его биограф, А. Л. Зиссерман, поддерживая мнение о преждевременности передачи управления в руки горцев, негативно отзывался

⁶² РГВИА, zesp. 400, inw. 1, sygn. 723.

⁶³ А.Л. Зиссерман, *Двадцать пять лет на Кавказе (1842–1867): в 2 ч., cz. 1: 1842–1867*, Sankt Petersburg 1879, s. 116.

⁶⁴ РГВИА, zesp. 400, inw. 1, sygn. 723, k. 28.

⁶⁵ РГВИА, zesp. 1, inw. 1, sygn. 20719, k. 1–1v.

об офицерах из горцев, поставленных во главе местных окружных правлений. В частности, о Х. Умдиеве (начальнике Кумыкского округа) и М. Кундухове (начальнике Осетинского и затем Чеченского округов). В итоге, он делает вывод о несостоятельности попыток управлять горцами посредством своих же представителей⁶⁶. Н. Семенов писал, что «чеченцы гораздо легче мирятся как с неотвратимым злом с чужеземной властью, чем со своею национальной». В этом автору виделась причина крайне неудачных результатов попыток «управлять народом при посредстве избранных из его же среды наибов или приставов»⁶⁷. Однако такое мнение, на наш взгляд, было ошибочным. Примеров преданного служения офицеров и гражданских чиновников в органах военно-народного управления было достаточно много.

Позиция правящих кругов империи, кавказской администрации и местного начальства по данному вопросу объясняет тот факт, что руководящие должности во многих окружных управлениях стали занимать русские офицеры, служебным и личным качествам которых уделялось особое внимание. С сентября 1866 г. наместнику Кавказа предоставляется право вводить должности наибов с назначением офицеров регулярных и казачьих войск⁶⁸. Однако на территории Чечни, в отличие от Кабардинского, Осетинского Ингушского и Кумыкского округов, должности наибов занимали только офицеры из горцев. Считалось, что чеченцы недостаточно подготовлены к кардинальным переменам, тогда как горцы других округов «уже привыкли к русской власти» и «многие знают русский язык»⁶⁹. Об одном из таких офицеров из чеченцев, Бате Шамурзаеве, получившем воспитание в семье главноуправляющего на Кавказе и командира Отдельного Кавказского корпуса генерала от инфантерии барона Г. В. Розена, неоднократно похвально отзывался сам князь А. И. Барятинский⁷⁰.

В 1859 г. наибами назначаются офицеры из чеченцев: в Большую Чечню — подполковник Вагап-Аду, в Малую Чечню — майор Сибдулла Османов, в Ичкерии — подполковник Арцу Чермоев. Некоторые из наибов имели помощников — мазунов (мазумов)⁷¹. Такие должностные лица были известны чеченцам еще в имамате Шамиля⁷² и, видимо, были временно оставлены. Наибами служили и некоторые сподвижники имама.

⁶⁶ А.А. Зиссерман, *Фельдмаршал князь А. И. Барятинский*, „Русский архив“ ks. 1, wyd. 1, Moskwa 1889, s. 123–124.

⁶⁷ Н. Семенов, *Туземцы Северо-Восточного Кавказа*, Sankt Petersburg 1895, s. 86.

⁶⁸ *Всеподданнейший отчет главнокомандующего Кавказской армией по военно-народному управлению за 1863–1869 годы*, [w] *Россия в Кавказской войне. Исторические чтения*, оргас Г. Г. Лисицына, Я. А. Гордин, Sankt Petersburg 2000, s. 53.

⁶⁹ АКАК, t. 12, art. 1127, s. 1254.

⁷⁰ А.Л. Зиссерман, *Фельдмаршал князь Александр Иванович Барятинский. 1815–1879 гг. : в 2 т.*, t. 2, Moskwa 1890, s. 167.

⁷¹ Э.Д. Мужухоева, *Административная политика...*, s. 69.

⁷² РГВИА, zesp. 846, inw. 16, sygn. 6468, k. 3–8; РГВИА, zesp. 846, inw. 16, sygn. 6512, k. 58 i n.

Тенденция к замещению должностей наибов выходцами из самих чеченцев сохранилась и в ближайшие годы. Так, приказом военного министра по иррегулярным войскам от 30 ноября 1861 г. по высочайшему повелению «за отлично-усердную и ревностную их службу» назначались: 1. Подпоручик милиции Хассау Герзелиев – на должность наиба Качкальковских деревень Чеченского округа – на место состоявшего по армейской кавалерии Шеди Эльмурзаева; 2. Юнкер милиции Гамбулат Матиев – на должность Чантинского наиба Аргунского округа – на место подпоручика Шахбия Чуликова⁷³.

По мнению генерал-майора А. А. Шепелева, только необходимость вынуждала кавказскую администрацию назначать на должности наибов местных уроженцев. Их содержание обходилось дешевле казне, так как, имея свой дом и хозяйство по месту своей службы, они не несли расходов на наем помещения и другие потребности и поэтому вполне могли «довольствоваться содержанием 55 руб. в год». Однако их назначение на должности наибов причиняло некоторые «неудобства» и могло иметь некоторые негативные последствия. В частности, отмечает он, «местные уроженцы, будучи связаны с населением узами родства и материальными интересами, не всегда бывали «в состоянии обнаруживать то беспристрастие и ту независимость, которые требуются от представителя администрации». Такие наибы в большей мере проявляли склонность «поддерживать местную обособленность», тогда как следовало бы решать их скорейшей адаптации к новым условиям. Более того, во многих случаях, когда требовалось силовое решение возмущений горцев, офицеры из «туземцев» переходили на сторону своих соплеменников или становились на их защиту. Так, например, поступили ингушские офицеры во время восстания 1858 года, направленного против поселения ингушей на равнине крупными аулами⁷⁴. Всем наибам, независимо от того, будут ли они назначены из офицеров (регулярных или казачьих войск), гражданских чиновников или горцев, предлагалось содержание в размере 900 руб.⁷⁵

Однако, как отмечал С. С. Эсадзе, российское правление «распространялось в горах постепенно». В этой связи «центральная власть была озабочена тем, чтобы управление покоренными племенами не зависело от случайных и временных начальников»⁷⁶. Учитывались не только боевые заслуги того или иного офицера или чиновника, но и его звание, что было важно для признания их авторитета местным населением. Новые управленцы на первых порах состояли, как правило, из бывших участников действий против горцев, изучившие местные традиции и обычаи, а некоторые даже языки, больше подходили на замещение должности в горских округах. Как

⁷³ РГВИА, zesp. 330, inw. 5, sygn. 1057, k. 3.

⁷⁴ РГВИА, zesp. 846, inw. 16, sygn. 6672, k. 1–2v., 3v.

⁷⁵ РГВИА, zesp. 400, inw. 1, sygn. 950, k. 22.

⁷⁶ С.С. Эсадзе, *Историческая записка об управлении Кавказом*, т. 1, s. 167.

отмечал начальник канцелярии по военно-народному управлению Кавказского края генерал-майор А. А. Шепелев, ввиду отсутствия готового контингента гражданских чиновников для занятий должностей в новом управлении, было решено привлечь «лучших и способнейших офицеров армии». Именно они представляли на тот момент «более элементов для образования хорошего управления и притом более или менее знакомом со свойствами, понятиями и с языком горцев». Им были предоставлены разного рода преимущества и привилегии, в том числе сохранение их статуса и прав военнослужащих, что сыграло важную роль в решении этой задачи⁷⁷.

После завершения военных действий на Северном Кавказе ставилась задача закрепления достигнутых успехов, для чего формировалась система местного управления, включающая следующие звенья: областное правление, окружное правление, сельское (аульное правление).

В 1860 г. юридически оформляется территория Северного Кавказа, Кубанской и Терская областей⁷⁸. Инструкцией для окружных начальников Левого крыла Кавказской линии», утвержденной в 1860 г. кн. А.И. Барятинским⁷⁹.

Новый наместник великий кн. Михаил Николаевич (1862—1881 гг.)⁸⁰ хотя и осознавал необходимость учета местных особенностей и проявления осторожности с горцами, тяготел к централистам и стремился максимально приблизить Кавказ к внутренним губерниям России. В крае вводится военно-гражданское управление⁸¹. Указом от 2 сентября 1865 г. в Терской области: 1) упраздняются начальники Западного и Восточного военных отделов; 2) учреждаются особые окружные управления в Осетинском, Чеченском и Кумыкском округах; 3) усиливается и меняется штат начальника области⁸².

Высшее заведование горцами предоставляется наместнику, действовавшему через горское или народное управления. Ему поручается подготовка проекта «О преобразовании управления Кавказским и Закавказским краем», который утверждается Указом Александра II от 9 декабря 1867 г. Новая система управления краем включала: 1) главное управление наместника; 2) губернские центры; 3) уездные, городские и сельские центры. В Кавказский край вошли Ставропольская губерния, Кубанская и Терская области⁸³. Управление последними определялось утвержденным 30 декабря 1869 г. мнением Госсовета «О постановлениях для

⁷⁷ РГВИА, зesp. 400, inw. 1, sygn. 950, k. 5v.

⁷⁸ С.С. Эсадзе, *Историческая записка об управлении Кавказом*, т. 1, с. 197.

⁷⁹ АКАК, т. 12, art. 1078, s. 1192—1197.

⁸⁰ *Словарь кавказских деятелей*, с. 54.

⁸¹ РГВИА, зesp. 400, inw. 1, sygn. 723, k. 32—33v.

⁸² Полное собрание законов Российской империи, собрание 2-е. [dalej: ПСЗ—2], т. 40, dzial 1, 1865 г., art. 42449, s. 929.

⁸³ ПСЗ—2, т. 42, dzial 2, 1867 г., art. 45229, Sankt Petersburg 1871, s. 382—386.

устройства областей Кубанской и Терской» и Указом «О преобразовании административных учреждений в Кубанской и Терской областях»⁸⁴.

Административное структурирование этих областей продолжалось вплоть до начала XX в. С 1 июля 1888 года Терская делилась на три отдела — Пятигорский, Кизлярский и Сунженский и четыре округа — Владикавказский, Хасав-Юртовский, Нальчикский и Грозненский. Во главе области стоял начальник области и наказной атаман Терского казачьего войска, который в военном отношении приравнялся к начальнику дивизии. В непосредственном подчинении находились войсковой штаб и Терская казачья бригада. По гражданскому управлению ему принадлежали права и обязанности, присвоенные губернаторам. В соответствии с Указом Правительствующему Сенату от 21 марта 1888 г. и принятых в его развитие законоположений, управление Терской области и Терского казачьего войска, а также его военный состав находились в ведении войскового наказного атамана кавказских казачьих войск и командующего войсками Кавказского военного округа. Руководство отделами в военном и административно-полицейском отношениях входило в компетенцию атаманов отделов, округами — начальников округов. В городах Владикавказ и Моздок имелись отдельные полиции, подчиненные непосредственно областному правлению⁸⁵.

Права и обязанности начальников округов, участков и сельских (аульных) старшин впервые были сформулированы в Инструкции 1860 года, утвержденной генералом князем А. И. Барятинским⁸⁶. Особое положение в системе органов местного управления занимал начальник округа. В Чечне до начала XX в. эту должность исполняли офицеры, чаще русские, наделенные широкими полномочиями (административными, полицейскими, культурно-просветительскими и др.)⁸⁷. За ними закреплялось исключительное право высылки горцев в административном порядке за различные правонарушения. За свою службу многие должностные лица получили чины, награды и большие земельные наделы. Хотя земельный вопрос самих горцев так до конца и не был решен.

Серьезные проблемы возникали у местной администрации с подбором старшин. Руководящие должности в сельских правлениях с самого начала занимали те из жителей, которые имели влияние на народ и, как все остальные горцы, служащие в органах местного управления, были преданны российской власти. Постепенно в горских селениях и обществах все сельское общественное управление оказалась в руках зажиточной верхушки, а сам сельский сход (сборы выборных) стал еще одним инструментом в руках власти

⁸⁴ ПСЗ—2, т. 44, dział. 2. 1869 r., art. 47847, Sankt Petersburg 1873, s. 412—415; Tamże, art. 47850, s. 418—419.

⁸⁵ *Всеподаннейший отчет Начальника Терской области и Наказного атамана Терского казачьего войска 1894 год*, Władykaukaz 1895, s. 3—4.

⁸⁶ АКАК, т. 12, art. 1078, s. 1192—1197.

⁸⁷ РГВИА, zesp. 400, inw. 1, sygn. 723, k. 33.

для удержания горцев в покорности и все большего их подчинения новым порядкам. Большая часть из старшин была неграмотной и не владела русским языком. В частности, в 1905 г. в Грозненском округе владели русским языком 6 старшин, в Веденском округе — 2, во Владикавказском — 13, Нальчикском — 30, в Сунженском отделе — ни один⁸⁸.

Публицист А. Х. Цаликов отмечал, что «эти должности просто покупались наиболее состоятельными жителями селений (аулов) и действовало правило «рука руку моет»⁸⁹.

Этот факт пришлось признать кавказской администрации. Так, еще 8 марта 1846 г. управление наместника на Кавказе в специальном предписании чиновникам указывало: «Родовые и аульные начальники выбираются не по достоинству, а по влиянию партий, так как общественной деятельностью почти всегда занимаются люди богатые...»⁹⁰.

В документах XIX — начала XX вв. подтверждают важное место, которое стала занимать фигура старшины в общей системе управления горцами. Институт назначаемого или «правительственного» старшины превратился в важный инструмент разрушения родоплеменной организации горцев. В новых условиях, как отмечается в одном из официальных источников, «...сельский старшина превратился из домашнего в общественного начальника, в лицо официальное»⁹¹, т. е. подконтрольное. Эта же мысль выражается и князем А. И. Барятинским в отчете за 1857—1859 гг.⁹² В Инструкции от 23 марта 1860 г., принятой князем А.И. Барятинским, указывалось, что в каждом из аулов для «полицейского» порядка «из почетных» горцев выбираются старшины и кандидаты на эту должность. В помощь старшинам общества назначают десяцких по одному на каждые 50 дворов. Старшины имели право наказывать виновных лиц арестом до 5 дней, для чего в каждом селении создавались особые караульные. Содержались старшины и десяцкие за счет общества, получая вознаграждение хлебом, скотом или деньгами в размере, определяемом начальником округа и утверждаемом командующим Кавказским военным округом⁹³. Старшины и духовные лица освобождались от платежа казенных податей и повинностей, телесных наказаний, имели право на пенсию и другие преимущества⁹⁴.

По распоряжению главнокомандующего Кавказской армией великого князя Михаила Николаевича сельские старшины и их помощники назначались в должности: первые — военными губернаторами (т.е.

⁸⁸ Э.Д. Мужухоева, *Административная политика...*, s. 148.

⁸⁹ А.Х. Цаликов, *Очерки инородческой политики и культурно-хозяйственного быта*, Moskwa 1913, s. 75.

⁹⁰ ГАРФ, зesp. 792, inw. 1, sygn. 1, k. 2.

⁹¹ РГВИА, зesp. 400, inw. 1, sygn. 723, k. 28.

⁹² АКАК, t. 12, *Отчет ген.-фельдм. кн. А. И. Барятинского за 1857—1859 годы*, s. 1289.

⁹³ Там же, art. 1078, s. 1191—1197.

⁹⁴ ГАРФ, зesp. 792, inw. 1, sygn. 1, k. 2; РГВИА, зesp. 400, inw. 1, sygn. 4870, k. 5.

начальником области), а вторые — начальниками округов⁹⁵. В результате, к 90-м годам XIX в. выборное начало старшин фактически отменяется⁹⁶.

Жизнь сельских (аульных) обществ регламентировалась «Положением об аульных обществах и горском населении Кубанской и Терской областей и их общественном управлении» и «Положением о сельском (аульном) управлении в Терской области» 1870 г.⁹⁷ Сельские старшины и их общественные помощники подбирались начальниками участков и утверждались начальником Терской области по представлению начальника соответствующего округа. Подлежали утверждению начальства и старшины тех немногих селений, которым в порядке исключения было дано право избирать старшину. Прежде чем приступить к исполнению своих обязанностей старшины в присутствии начальника округа приносили присягу о преданности Российскому правительству и беспрекословном исполнении всех поручений местной администрации. Областное и окружное начальство было вправе сместить любого старшину по собственному усмотрению.

Администрация области сетовала на трудности в подборе старшин, согласных хорошо работать за назначенное им вознаграждение. В качестве льготы старшины освобождались от казенных податей и натуральных повинностей. И, кроме того, в некоторых горских обществах пользовались «еще особыми, обычаем установленными, льготами. Однако обязанностей старшины было немало и их добросовестное исполнение не оставляло времени для ведения собственного надворного хозяйства. Зажиточные горцы отказывались от должности старшины, «опасаясь сопряженных с нею неприятностей и материальных потерь». Напротив, по представлению начальства на эту должность не подходили лица, не отличавшиеся особой нравственностью и не обладавшие особым достатком. Поэтому кандидатуры на должность старшин тщательно проверялись и лица, не вызывающие доверие, даже несмотря на решения сельских обществ, отклонялись, также освобождались от нее за различные правонарушения и по другим основаниям. Соответствующие приказы публиковались в местной печати, например в газете «Терские ведомости». Селения (аулы), уличенные в каких-либо неповиновениях или укрывательстве «порочных лиц», лишались права выбора должностных лиц. К ним они назначались. Содержание так называемых «правительственных» старшин обходилось значительно дороже.

Нередко местное население выражало недовольство старшинами и их помощниками, и, если не находило поддержки участкового или окружного начальства, то само расправлялось с ними. Так, жители ингушского селения

⁹⁵ РГВИА, zesp. 400, inw. 1, sygn. 950, k. 22.

⁹⁶ Э.Д. Мужухоева, *Административная политика...*, s. 147.

⁹⁷ Ж.А. Калмыков, *Установление русской администрации в Кабарде и Балкарии (конец XVIII – начало XX в.)*, Nalczuk 1995, s. 66; Б.Х. Ортабаев, *Социально-экономический строй горских народов Терка накануне Великого Октября*, Władykaukaz 1992, s. 23.

Средние Ачалуки в 1898 г. обвинили старшину — урядника Чабиева во взятках и других злоупотреблениях властью. Обвинялись в растрате общественных денег казначей из селения Базоркино Иса Тангиев и Чага Джанхотов (108 руб. и 957 руб. соответственно); казначей селения Насыр-корт В. Декаев (362 руб.), доверенные этого же селения Д. Кодзоев и И. Берсанов (152 руб.), казначей селения Яндырка (343 руб.). Старшина селения Гамурзиево не только брал деньги из общественной кассы, но и ссужал их своим сельчанам под высокие проценты. Как отмечает Н. П. Гриценко, в Ингушетии не было селения, где старшины или другие должностные лица не обворовывали бы жителей.⁹⁸

В начале XX в. недовольство сельских обществ Терской области старшинами стало характерным явлением. Так, в 1904 г. в 16 старшинствах Веденского округа на сельских сходах были объявлены смещенными старшины, назначенные областной администрацией. Непризнание «правительственных» старшин здесь продолжалось вплоть до зимы 1906 г.⁹⁹

В 1906 году Командующий Кавказским военным округом вынужден был признать, «что старшины, назначаемые в туземные селения по усмотрению местной администрации, не всегда соответствуют своему назначению»¹⁰⁰. Население, недовольное «правительственными» старшинами продолжало борьбу за право выбора старшины. Иногда, просто мстило. Так, в июне 1871 г. у рогатого скота старшины ингушского селения Средний Ачалук М. Куриева были подрезаны жилы. В августе неизвестными был совершен поджог стога сена, принадлежавшего старшине селения Сурхохи прапорщику У. Сампиеву, и причинен тем самым ущерб в 110 руб. В том же месяце подожгли дом старшины селения Плиево поручика Г. Майорова. Владикавказское окружное полицейское управление доносило, что все эти случаи «ясно показывают...причинение вреда сделано кем-нибудь подведомственных жителей по злобе из мести»¹⁰¹. По распоряжению главнокомандующего войсками Кавказской армии от 12 января 1914 г. общество сел. Нижние Ачалуки Назрановского округа было приговорено к оплате штрафа в размере 125 руб. за укрывательство злоумышленников, дважды совершивших поджог сена, принадлежавшего сельскому старшине Т. Арчакову, в пользу потерпевшего¹⁰².

⁹⁸ Н.П. Гриценко, *Экономическое развитие Чечено-Ингушетии в пореформенный период (1861—1900)*, Grozny 1963, s. 172 — 173.

⁹⁹ А.И. Хасбулатов, *Установление российской администрации в Чечне (2 пол. XIX — нач. XX в.)*, Moskwa 2001, s. 107.

¹⁰⁰ А.А. Кануков, *Положение о сельских (аульных) обществах и общественном управлении и их повинностях государственных и общественных в горском населении Терской области*, Władykaukaz 1908, s. 11.

¹⁰¹ Н. П. Гриценко, *К вопросу о социально-экономических отношениях в Чечено-Ингушетии в пореформенный период (поземельные отношения)*, [w] *Известия Чечено-Ингушского НИИ при Совете Министров ЧИАССР. Статьи и материалы по истории Чечено-Ингушетии*, t. V, wyd. 1: История, red. А. А. Саламов i in., Grozny 1964, s. 16.

¹⁰² РГВИА, zesp. 400, inw. 1, sygn. 3922, k. 117v.

Особенно резко по поводу местной администрации высказывался А. Х. Цаликов:

Если низшая сельская администрация представляла собой отбросы общества туземного и казачьего, то участковая вмещала в себе отбросы военной и чиновной среды... И все эти начальники пользуются почти властью неограниченной, расправляются с населением, как заблагорассудится...¹⁰³.

В течение всего периода пребывания горцев в составе Российской империи поступало немало жалоб на начальников областей, округов, участков и наивов¹⁰⁴. Особенно тяжелые последствия имели экзекуции селений, проводимые по разным поводам. В начале XX в. в ходе одной оказались уничтоженными некоторые из ингушских селений за связь с абреком Зелимханом. 5 января 1910 г. за подписью 58 членов Государственной Думы был отправлен запрос наместнику на Кавказе. Депутаты требовали объяснений данному событию.

До сих пор означенные репрессии, — писали они, — выражались в посылке карательных отрядов (полковников Вербицкого, Веселовского и ротмистра Доногуева), в военных экзекуциях по аулам, в крупных штрафах и массовых арестах в административном порядке. В настоящий же момент Терская администрация, вообще привыкшая обращаться так бесцеремонно с туземным населением и не знающая предела своему усмотрению и произволу, не взирая на то, что все перечисленные меры борьбы приводили постоянно к противоположному результату, не отказались от взятого курса и продолжает действовать в этом же направлении и прибегать к еще более суровым мерам¹⁰⁵.

Кавказской администрации приходилось признавать несоответствие некоторых чиновников своим обязанностям¹⁰⁶. «Посылка на окраины худших элементов, которым нет места в центральной России, должна быть прекращена, так она ведет лишь падению значения в глазах окраинного населения государственной власти», — писал наместник на Кавказе генерал-адъютант граф И. И. Воронцов-Дашков¹⁰⁷. Им подчеркивалась необходимость выдвижения представителей от народов Кавказа на государственную службу, как военную, так и гражданскую. И что особенно важно, не делая никаких

¹⁰³ А.Х. Цаликов, *Кавказ и Поволжье. Очерки инородческой политики и культурно-хозяйственного быта*, с. 77.

¹⁰⁴ РГВИА, зesp. 1300, inw. 4, sygn. 1542, k. 1.

¹⁰⁵ „Терские ведомости“ 1910, № 256, 27 listopada.

¹⁰⁶ *Гражданское управление Закавказьем*, с. 99–100.

¹⁰⁷ *Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова*, Sankt Petersburg 1907, s. 58.

различий по службе¹⁰⁸. Было решено принять меры к созданию кадров чиновников из образованных горцев¹⁰⁹. Назначение их на должности в местные учреждения управления производилось только по особому распоряжению¹¹⁰.

Серьезные проблемы имелись и по качеству состава и деятельности судов, учрежденных для народов Кавказа во второй половине XIX века. Г. М. Туманов писал об отношении некоторых судей к горцам, как к дикарям, изучать языки, религию, обычаи и традиции которых, как они считали, «незачем и церемониться» с ними — только «излишняя деликатность». Тем самым они дискредитировали судебную власть и вынуждали горцев «обращаться к тем чиновникам, независимо от ранга, которые вызывали у них уважение»¹¹¹.

Эти невежественные чиновники, не знавшие ни нравов, ни обычаев, ни духа чужого им народа, — пишет А. Казбеги, — совершенно терялись в непривычной обстановке. Выросшие совершенно в иных условиях, они зачастую невольно притесняли горцев, всячески оскорбляли их гордость и самолюбие¹¹².

Произвол чиновников нередко становился поводом для недовольства населения и их жалоб вышестоящему начальству. Несправедливые, по мнению горцев, решения и приговоры судей — основанием для обжалования.

На протяжении всего XIX — начала XX вв. правительство всячески стремилось заинтересовать чиновников в добросовестной службе на Кавказе. Она сулила быстрое продвижение, новые чины, большие оклады и пожалования. Так, по «Положению» от 21 апреля 1861 г. за «беспорочное и усердное исправление своих должностей» начальники округов и их помощники, а также начальники участков получали прибавку к жалованью. Прослужившие на Кавказе пять лет — четверть оклада, 10 лет — половину, 15 лет — три четверти оклада, 20 лет — полный оклад. Пять лет службы в военном управлении при начислении пенсии приравнивались семи годам обычной. 22 июня 1870 г. Александр II предоставил наместнику Кавказа право ежегодно ходатайствовать о денежном вознаграждении чиновников Главного управления, административных учреждений Кавказского и Закавказского

¹⁰⁸ *Вспомогательный отчет за восемь лет управления Кавказом ген.-ад. гр. Воронцова-Дашкова*, Sankt Petersburg 1913, s. 15.

¹⁰⁹ Ю.В. Хоруев, *Классовая борьба крестьян Терской области на рубеже XIX — XX веков*, Ordzonikidze 1978, s. 36.

¹¹⁰ РГВИА, zesp. 1, inw. 1, sygn. 44925, k. 27v.

¹¹¹ Г.М. Туманов, *Разбой и реформа суда на Кавказе*, Sankt Petersburg 1903, s. 29.

¹¹² А. Казбеги, *Отцеубийца. Повести*, tłum. z gruzińskiego T. Twałatwadze i A. Koczetkowa, Tbilisi 1964, s. 198—199.

края, судебных канцелярий. Премияльный фонд составлял не менее в 14 000 руб. ежегодно¹¹³.

17 мая 1869 г. император одобрил положение Кавказского комитета, основанное на ходатайстве главнокомандующего Кавказской армией, и повелел офицерам регулярных и казачьих войск, занимающим должности наибов в военно-народных управлениях кавказского края, «предоставить те же преимущества по службе ..., которыми пользуются участковые начальники в горских округах». 22 ноября 1873 г. особые права и преимущества службы на Кавказе распространяются на служащих Кавказского военного округа¹¹⁴.

Горцам, служившим на военной и милиционной службе, назначались пожизненные пенсии. Более того, 15 октября 1877 г. российским императором было утверждено мнение Государственного Совета о предоставлении заместителю Кавказскому права «назначить пенсии семействам» горцев «из пенсий, коими пользовались эти туземцы при жизни, за особые заслуги правительству»¹¹⁵. В конце 1880 г. этот вопрос поднимается вновь и, в конечном итоге, полномочия кавказского начальства подтверждаются¹¹⁶.

При всех своих упущениях и недостатках кадровая политика на Кавказе имела свои положительные результаты. Основные проблемы, пусть медленно и с ошибками, постепенно решались. Чиновники, служившие на Кавказе, различались по рангу, профессионализму и желанию решать насущные задачи. Некоторые из них не стремились понять менталитет горцев, изучить их язык, традиции и обычаи. Однако были и те, которые с такой задачей справились успешно. Как отмечается в источнике,

Заклучались межнациональные браки. Например, генерал А. П. Ермолов состоял в браке с горскими женщинами (кумычками). Браки русских офицеров с грузинскими княжнами поощрялись заместителем на Кавказе князем М. С. Воронцовым. Аналогичные случаи отмечались и в более поздний период. Например, на чеченках были женаты начальник Аргунского округа (Чечня) полковник А. П. Ипполитов и начальник Грозненского округа Н. И. Степанов.

Известно, что некоторые дети горцев, например чеченцев, попавшие в плен или оставшиеся без родителей во время взятия войсками селений (аулов), воспитывались в русских семьях, в том числе известных офицеров. Некоторые из них получили прекрасное образование и сделали блестящую карьеру, чаще

¹¹³ З. Х. Ибрагимова, *Чеченская история*, s. 26.

¹¹⁴ РГВИА, zesp. 400, inw. 1, sygn. 172, k. 11.

¹¹⁵ РГВИА, zesp. 400, inw. 1, sygn. 670, k. 6v.

¹¹⁶ Там же, k. 8v. — 9.

¹¹⁷ В.С.К., *Боевое прошлое Северного Кавказа*, „Кавказский вестник“ R 1, ks. III, Tbilisi 1900, № 3, s.

военную. К ним можно отнести генералов А. Чеченского и В. Чеченского, художника П. Захарова, поэта К. Айбулат-Розена и др.

Горская интеллигенция (военная и гражданская), сформировавшаяся за исключительно короткий промежуток времени, благодаря мерам российского правительства и личным усилиям, в начале XX в. стала посредником между властью и своими народами, защищая их права и интересы.

Streszczenie

Malika Sułtanowna Arsanukajewa

Polityka kadrowa Imperium Rosyjskiego na Północnym Kaukazie (XIX – początek XX wieku)

W artykule Autorka podejmuje próbę pokazania niektórych aspektów polityki kadrowej Imperium Rosyjskiego, uwzględniając zarówno rysy ogólne, jak i lokalną specyfikę. Ta ostatnia została pokazana głównie na przykładzie Czechenii i Inguszetii. Polityka rosyjska w tym regionie zmieniała się ze względu na różne cele stawiane przed nią. Przy wszystkich swoich szkodliwych skutkach miała też pozytywy. Główne problemy, bardzo wolno i kosztownie, to jednak były rozwiązywane. Urzędnicy służący na Kaukazie bardzo różnili się pod względem profesjonalizmu i gotowości do rozwiązywania codziennych problemów miejscowej ludności. Niektórzy nie chcieli poznawać i zrozumieć mentalności Górali, ich tradycji, obyczajów i języka. Jednak byli i tacy, którzy potrafili przełamać opory i poradzić sobie z tym zadaniem.

Summary

Malika Sultanovna Arsanukayeva

Staff policy of the Russian Empire in the northern Caucasus (XIX - early XX century)In the article, the author attempts to show some aspects of the human resources policy of the Russian Empire, taking into account both the general features and local characteristics. The latter has been shown mainly on the example of Chechnya and Ingushetia. Russian policy in the region changed due to various challenges to it. For all its harmful effects were also positive. Major problems, very slow and costly, they were resolved. Officials serving in the Caucasus differed greatly in terms of professionalism and readiness to solve the everyday problems of the local population. Some people do not want to know and understand the mentality of Highlanders, their traditions, customs and language. However, there were those who were able to overcome the resistance and coped with this task.